

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/474/31

Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект)

Дмитрий Викторович Хаминов^{1, 2}

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, khaminov@mail.ru
² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

Аннотация. Система образовательных учреждений общего и высшего образования, органов управления и нормативное регулирование образовательной сферой, а прежде всего – направления государственной образовательной политики, являются важнейшей составляющей деятельности и существования любого государства на разных этапах его развития. С этой точки зрения в настоящем исследовании анализируются ретроспектива развития образовательной сферы в Российской империи, основные этапы и изменения, происходившие в государственной политике, нормировании и администрировании этих процессов.

Ключевые слова: система образования, образовательная политика, нормативное регулирование, управление образованием, Российская империя, Временное правительство, школа, училище, гимназия, университет

Для цитирования: Хаминов Д.В. Система общего и высшего образования в Российской империи: принципы и направления государственной политики, нормативное регулирование и органы управления (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 285–298. doi: 10.17223/15617793/474/31

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/31

The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of public policy, regulation and governing bodies (historical and legal aspect)

Dmitry V. Khaminov^{1, 2}

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, khaminov@mail.ru
² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

Abstract. The system of educational institutions of general and higher education, governing bodies and regulation by law of the educational sphere, and in general, the directions of state educational policy, are the most important sphere of any state. From this point of view, this study examines the history of the development of the educational sphere in the Russian Empire, and analyzes the main stages and changes that took place in public policy, administration and regulation by law of these processes.

Given the wide variety of groups of educational institutions in the country in the 18th - early 20th, this work only considers issues related to the system of general and higher educational institutions, that is, institutions implementing primary public education, male and female secondary education and universities. In this aspect, the author analyzes the guiding principles of organizing education at the central level - in institutions belonging to the Ministry of Public Education, because it was they who served, first of all, the goals of training a subject of the Russian Empire «in general», as a basic element of the entire state and the system of public relations.

Based in this article on the structural-functional and problem-chronological approaches, it was possible to distinguish three periods (with internal stages), based on a general analysis of state policy in approaches to education, and, as a consequence, analyzing the corresponding system of educational institutions, governing bodies and regulatory regulation of the educational sphere.

It is concluded that educational policy directly depended on the ideological views and directions of the domestic policy of the monarchs and the elite of Russia. In the system of organization and management of education, there was a constant struggle between two tendencies: liberal transformations (the beginning of the 19th century, the years of the Great Reforms and the short period of the bourgeois-democratic republic of the Provisional Government) and conservative-protective (tendencies characteristic of a longer period of time throughout the 19th century and the beginning of the 20th century) The first tendency was characterized by the all-class nature of education, the elimination of class restrictions, the autonomy of university management, etc. The second trend was characterized by the establishment of class barriers in order to restrict access to education (and therefore, in the future, to public service, to social elevators, etc.) of the lower strata of the country's population, the limitation of the autonomy of universities, the

acquisition of a higher level of education by the subjects who were considered as a support of the monarchical regime - by landowners, officials, military, etc.

Keywords: education system, educational policy, regulation, education management, Russian Empire, Provisional Government, school, college, gymnasium, university

For citation: Khaminov, D.V. (2022) The system of general and higher education in the Russian Empire: principles and directions of public policy, regulation and governing bodies (historical and legal aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 285–298. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/474/31

В двухвековой истории имперской системы российского образования можно выделить три периода (с определением внутри них отдельных этапов), отражающие специфическую политику развития общегосударственной системы образования.

Первый период охватывает весь XVIII в., а первый его этап связан с петровскими преобразованиями и развивается последующим комплексным этапом образовательной политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Второй период связан с институционализацией общегосударственной системы образования, становлением и развитием ее отдельных сфер в первой половине XIX в. При этом консервативно-охранительная политика Николая I, сменившая относительно либеральный александровский этап во всех сферах жизни общества, отразилась и на образовательной системе.

Третий период развития общегосударственной системы образования стал возможен благодаря Великим реформам Александра II, начало которым было положено в 1860-х гг.; периоды реформ чередовались с контр-реформаторской деятельностью государства, вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

До рубежа XVII–XVIII вв. (до начала первого периода и петровских преобразований), в период Позднего Средневековья истории Российского государства, сфера образования всех уровней (от начального до высшего) являлась, скорее, инициативой отдельных корпораций или частных лиц и государством практически не регулировалась. Образование концентрировалось преимущественно в руках церкви; школы, училища, коллегии и академии (Киево-Могилянская в Киеве и Славяно-греко-латинская в Москве) открывались духовными институциями (епархиями, монастырями или приходами и т.п.), поэтому регулировались нормами канонического права без особого государственного участия. Существенное место в тот период занимало и домашнее образование.

Ситуация начинает меняться с реформ первой четверти XVIII в., что обусловлено необходимостью подготовки кадров для петровских преобразований.

Можно выделить два принципа государственной политики в этом процессе. Первый был связан с секуляризацией образования (выведение его из церковной юрисдикции), т. е. созданием сети светских учебных заведений, второй – с профессионализацией образования, т.е. созданием учебных заведений, специализированных по отдельным отраслям знания, наиболее актуальным в период модернизации России.

На протяжении первой половины XVIII в. появляются в большом количестве учебные заведения для

подготовки специалистов в конкретной отрасли – военной, морской, инженерной, медицинской, торговой (например, навигацкие школы, шляхетские (для дворян) корпуса и т.п.). На протяжении XVIII в. эти учебные заведения действовали в столичных городах, время от времени государство их подвергало реформированию или переименованию (например, Шляхетский сухопутный и морской кадетские корпуса и др.).

Первыми систематическими (имевшими преемственность) учебными заведениями стали основанные в 1724 г. при Академии наук университет и гимназия. Университет стал первым светским высшим учебным заведением в России.

До этого, еще в 1687 г., в Москве было открыто первое русское всеобщее высшее учебное заведение – Славяно-греко-латинская академия, которая по своему статусу приравнивалась к европейским университетам [1. С. 236–240]. Первоначально ее работа была ориентирована преимущественно на духовную сферу, но в 1701 г. Петр I придал школе статус государственной академии, и она утвердилась в совместном государственном и церковном управлении (как многие классические европейские университеты того времени) и готовила, главным образом, переводчиков, работников типографий (справщиков), священнослужителей, высших государственных руководителей, дипломатов и др.

Правовой статус первого русского светского университета и гимназии при нем (для подготовки учащихся к поступлению в университет) был прописан в Положении об Академии наук (1724 г.) [2. С. 220–224] и действовал вплоть до 1747 г., когда были приняты новый ее регламент и название – Академия наук и художеств. Параграф первый Положения об Академии гласил: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко Феологии (теологии – Д.Х.) и Юриспруденции, Медицины, Философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают» [2. С. 220]. Эти заведения обладали относительной организационно-управленческой самостоятельностью, однако особых успехов за годы своего существования не добились.

Петровские преобразования, кардинальные изменения в государственном устройстве и управлении, ориентация на западные модели требовали решения вопроса подготовки большего количества кадров. В первой половине XVIII в. эта проблема решалась тремя путями – приглашением на русскую службу иностранцев; обучением русских дворян за рубежом; созданием специализированных учебных заведений в России (предпринимались первые попытки). Однако

все эти мероприятия были несистемными, не связанными между собой и не решали стратегических задач.

Дальнейшая логика развития образования в России требовала открытия более «стабильных» университетов и гимназий, чем имевшиеся в Санкт-Петербурге. Таковыми стали Московский университет («для дворян и разночинцев») и две гимназии (одна для дворян, другая для разночинцев), призванные готовить учеников для обучения в университете [3. С. 284–294]. Учреждение университета в Москве имело совершенно прагматические задачи – приблизить возможность получения высшего образования к центру России (каковым Санкт-Петербург не являлся в силу географической отдаленности, дороговизны жизни и малого количества потенциальных абитуриентов, в отличие от Москвы), а также в некоторой степени снять академические преграды университета при Академии наук, чтобы открыть доступ большему количеству учащихся.

Вопреки сложившейся в европейской университетской системе практике, где в обязательном порядке имелся теологический факультет, устав Московского университета не предусматривал его наличия: «...попечение о Богословии справедливо оставляется Святейшему Синоду» [3. С. 289]. Таким образом, уже с середины XVIII в. особенностью высшей школы России стал исключительно светский характер университетов и подчинение их ведению светских властей. Последние были учреждаемы государством, а богословие (теология), было оставлено в ведении духовных учебных заведений, прежде всего, духовных академий и семинарий (исключение составляли университеты западных губерний, при которых имелись теологические факультеты: Дерптский и Тартуский). В Европе же университеты находились либо в совместном государственном и церковном управлении, либо исключительно в церковном (ярким примером такой модели были иезуитские университеты – коллегии).

В царствование Екатерины II начался второй этап первого периода. Произошло важное изменение в деле народного просвещения – в патриархально-традиционной России под воздействием политики «просвещенного абсолютизма» было разрешено публичное женское образование. Первое учебное заведение для девушек было открыто в 1764 г. – Воспитательное общество благородных девиц [4. С. 742–755] (Смольный институт). Надо отметить, что он стал первым в Европе государственным учебным заведением для девушек (в Европе женское образование было исключительно частным), хотя и призван был готовить девушек для светской жизни, фактически воспитывая хороших в будущем жен и матерей для дворян.

В 1786 г. Екатериной II был принят «Устав народным училищам в Российской империи» [5. С. 646–669], который стал первым в России актом общего регулирования однородных учебных заведений на всей территории страны. Согласно Уставу народные училища учреждались для юношей во всех губерниях и наместничествах Российской империи и подразде-

лялись, в зависимости от контингента и значения училища, на главные (учреждались преимущественно в губернских городах) и малые («сии училища должны существовать как в Губернских городах, где одного Главного не довольно, так и в уездных городах, и где еще по усмотрению Приказа Общественного Призрения на первой случай быть могут надобны») (§ 24)). Главные училища были четырехклассные, малые – двухклассные (соответствовали первым двум классам главных училищ) и отличались объемом изучаемых дисциплин. В Главные народные училища принимались дети всех сословий, кроме крепостных крестьян. Малые народные училища были начальными учебными заведениями для непривилегированных сословий.

Согласно Уставу была выработана и централизованная система управления учебными заведениями (§ 108). Все открываемые народные и домашние училища подчинялись Главному правительству училищ, которое находилось непосредственно в ведении императрицы. При этом главное управление было вверено императрицей «Комиссии об училищах, в Государстве учрежденной» (Комиссия по учреждению народных училищ). Попечителем народных училищ в каждом наместничестве и губернии был губернатор, директора народных училищ определялись им же.

Екатериной II была проведена первая в истории России системная школьная реформа. Училища стали основой для унифицированной и относительно массовой (на основе всесословного принципа) сети казенных образовательных учреждений и народного просвещения, государственной системы бесплатных общеобразовательных городских школ.

Восемнадцатое столетие, характеризовавшееся и довольно революционными (для патриархально-феодальной России) петровскими преобразованиями, и периодом «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, оставило значительный след в деле образования и народного просвещения России. Университеты, гимназии (в том числе для девушек), отраслевые учебные заведения (училища) в столичных городах и широкая сеть народных училищ заложили прочные основы для дальнейшего развития системы образования.

Образование населения (по терминологии того периода – *просвещение*) в Российской империи становится специальной сферой государственной политики, а значит, управления и нормативного регулирования. Лишь в начале XIX в. Министерская реформа Александра I выделила сферу просвещения в специальное направление политики государства, создав для его развития необходимые нормативные и административные условия.

Для XIX – начала XX в. можно выделить девять видов учебных заведений, реализующих начальное народное образование; мужское среднее образование; женское среднее образование; частные учебные заведения; университеты; педагогическое образование; низшее, среднее и высшее специальное (профессиональное) образование; военное образование; духовное образование (разных конфессий) [6. С. 279; 7. С. 11–12]. К этому перечню можно добавить домашнее обу-

чение, которое хотя и не входило в систему государственного образования, но в некоторых случаях регламентировалось государством.

Ввиду существенного массива исследований всех групп образовательных учреждений в данной работе рассматриваются только вопросы, связанные с системой общих (реализующих начальное народное образование, мужское и женское среднее образование) и высших (университеты) учебных заведений. В данном аспекте анализируются руководящие начала организации образования на центральном уровне – в заведениях, относящихся к ведомству Министерства народного просвещения. Система же специализированных, профессиональных, отраслевых, духовных и иных учебных заведений в перспективе может стать предметом отдельного исследования.

Причина, по которой для данного исследования были выбраны только заведения, составляющие систему общего и высшего образования, заключается в том, что всевозможные специализированные и отраслевые учебные заведения служили преимущественно конкретной прикладной задаче – подготовить кадры для особых процессов и сфер государственной жизни (военной, хозяйственной, духовной и др.), хотя и они были связаны с глобальными задачами общегосударственной образовательной политикой. А учебные заведения, составляющие систему общего и высшего образования (начальные школы, училища, гимназии, университеты и т.п.), служили, в первую очередь, целям подготовки подданного вообще, как базового элемента для всего государства и общественных отношений. Здесь как раз и была нужна специальная политика.

Либеральный период царствования Александра I (первая половина его правления, до Отечественной войны 1812 г.) был связан с чередой реформ в сфере государственного управления и устройства. Одним из важнейших преобразований стала министерская реформа, направленная на создание министерств взамен утративших свою актуальность коллегиальных органов управления (коллегий). Министерства создавались по европейскому образцу с принципом единоличной ответственности, строго отраслевым и территориальным характером управления. Было создано восемь министерств, в числе которых новым по сфере своего регулирования оказалось Министерство народного просвещения (МНП) [8. С. 243–248]. Манифест об учреждении министерств определял цели, задачи и компетенции МНП и подведомственные ему органы управления и учреждения: «Министр Народного Просвещения, воспитания юношества и распространения наук имеет в непосредственном ведении своем Главное Училищное Правление со всеми принадлежащими ему частями, Академию Наук, Российскую Академию, Университеты и все другие училища, кроме предоставленных особенному попечению Любезнейшей Родительницы Нашей Императрицы Марии Федоровны [речь идет о воспитательных домах и некоторых благотворительных заведениях – прим.], и находящимся по особенному повелению Нашему в управлении других особ или мест <...>» [8. С. 246].

Министерская реформа Александра I в основном завершена была к 1811 г., когда особым Манифестом было утверждено «Общее учреждение министерств» [9. С. 686–719]. Манифест был разработан М.М. Сперанским и обобщал опыт деятельности центральных органов власти в России и Франции. Законодательный акт состоял из двух частей – «Образование министерств» и «Общий наказ министерствам». В нем же были уточнены предметы ведения каждого министерства, в том числе МНП и Главного управления училищ (§ 11) [9. С. 687–688].

Александром I также была проведена первая в России комплексная реформа по организации и управлению образованием. Она выстроила образовательные учреждения всех уровней и управление ими в единую систему. Указ от 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» [10. С. 437–442] по своей сути стал общим началом для организации всей системы образования в Российской империи. В нем впервые устанавливалось: «Народное просвещение в Российской империи составляет особую государственную часть, вверенную министру сего отделения и под его ведением распоряжаемую Главным училищ правлением» (§ 1). То есть сфера народного просвещения впервые выводится в отдельную отрасль государственного управления.

Согласно документу в России учреждались четыре рода (уровня) учебных заведений, в зависимости от административно-территориальной расположенности и подведомственности:

1. Приходские училища (одноклассные), заменившие прежние (по реформе Екатерины II) малые народные училища, – на уровне одного или нескольких церковных приходов.
2. Уездные училища (трехклассные) – в уездных городах.
3. Губернские училища или гимназии (шести-классные), бывшие главные народные училища (по реформе Екатерины II) – в губернских центрах.
4. Университеты стали центрами крупных объединенных учебных округов в границах нескольких смежных губерний.

Реформой устанавливались принципы бесплатного и бессловного образования на его низших ступенях, а также преемственность учебных программ всех нижестоящих училищ вышестоящими. Это позволяло получившему начальное образование в любом учебном заведении поступать в заведение более высокой ступени.

Указ определял порядок управления каждым из этих училищ, а также систему органов центрального, регионального и локального управления.

Учебные заведения нескольких соседних губерний объединялись в особый учебный округ, где учреждались университеты, становившиеся центрами управления округами и училищами во главе с попечителями учебных округов (§ 13–14 Указа от 24 января 1803 г.). По специальному Указу «Об учреждении учебных округов, с назначением для каждого особых Губерний» было образовано шесть учебных округов, возглавляемых попечителями, которых назначал импера-

тор (например, Казанский учебный округ включал в себя все губернии Поволжья, Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии вплоть до 1880-х гг.). У попечителя имелись функции надзора и контроля над учебными заведениями во вверенном ему округе. Всем учебным процессом в округах (содержательной его частью) ведали университеты: они разрабатывали учебные планы, выпускали учебники, контролировали гимназии округа. Директор гимназии ведал уездными училищами губернии, а смотритель уездного училища – приходскими училищами уезда.

Говоря о введении в российскую практику образовательного администрирования и учреждении учебных округов в начале XIX в., следует отметить, что эта система была впервые введена во Франции (как следствие революционных реформ в системе образования). Сразу же эта модель была реализована в Речи Посполитой (Польше), а в результате ее раздела и включения в состав Российской империи части этого государства была заимствована при проведении образовательной реформы в России Александром I [11. С. 163].

Таким образом, выстраивалась четкая, вертикально интегрированная система соподчинения низших учебных заведений высшим.

Указом от 24 января 1803 г. центральное управление было передано в руки «Главного училищ правления» (Главное правление училищ). Оно состояло из министра народного просвещения (председатель), из попечителей учебных округов, товарища (заместителя) министра, директора Департамента народного просвещения и других членов по усмотрению императора.

Тем же Указом вводилось новшество, согласно которому обязательным становилось получение образования для всех желающих поступить на государственную службу (§ 24). В 1809 г. вышел подготовленный М.М. Сперанским Указ об экзаменах на классный чин [12. С. 1054–1057], который, упрекнув дворянство в том, что оно менее других принимает участие в школьном воспитании своих детей, поставил его служебную карьеру в зависимость от диплома университета, аттестата гимназии или училища.

В Указе от 24 января 1803 г. было задекларировано наличие 6 университетов в Российской империи как центров создаваемых учебных округов. Три из них уже работали на тот момент – Московский и Дерптский (учрежден в 1802 г.), а также университет в Вильно (создан еще в 70-е гг. XVI в.; достался России в конце XVIII в. в результате раздела Речи Посполитой), унаследовавший европейские традиции управления и организации образования. Еще три университета планировалось учредить в ближайшее время – в Санкт-Петербурге, Казани и Харькове; они были открыты в скором времени. Указ «Об устройстве училищ» устанавливал, что для университетов «...будут изданы частные уставы, в которых имеет быть изъяснено все до них принадлежащее» (§ 31).

Для Московского и Дерптского университетов были приняты новые редакции уставов; на протяжении последующих лет были открыты Казанский (1804 г.) и Харьковский (1805 г.) университеты. Таким образом, на основе Указа 1803 г. 5 ноября 1804 г. императором

Александром I были приняты сразу три новых акта: «утвердительные грамоты» для Московского и новоучрежденных Харьковского и Казанского [13. С. 647–650; 14. С. 650–653; 15. С. 653–656] университетов, а также изданы для каждого из них новые уставы [16. С. 570–589; 17. С. 589–607; 18. С. 607–626]. Эти «утвердительные грамоты» и уставы были идентичными и в своей совокупности составили новый общероссийский университетский Устав 1804 г. Последующие университеты открывались уже на основании этих типовых уставов. Уставы Дерптского (устав утвержден в 1802 г.) и Виленского [19. С. 610–620] университетов были утверждены чуть ранее принятия типовых уставов, но имели практически схожие с ними структуру, принципы управления и регулирования.

Университеты по уставу 1804 г. получали широкую автономию, начиная с вопросов выбора ректора, определения штата профессуры, иммунитета от вмешательства чиновников и властей в университетские дела, заканчивая решением хозяйственных дел. То есть они существовали по типичной средневековой модели европейских корпоративных университетов с замкнутой системой управления и наличием цеховых привилегий.

Утвержденный 5 ноября 1804 г. «Устав учебных заведений, подведомых университетам» [20. С. 626–644] представлял собой подробное развитие общих начал, изложенных в «Предварительных правилах народного просвещения». Это был гуманный и либеральный образовательный акт. В его основе лежали идеи всеобщности, открытой для всех состояний системы образования; преемственности всех ступеней этой системы (от низших к высшим); бесплатности обучения; светскости образования (например, Закон Божий в гимназиях не преподавался); отмены телесных наказаний; энциклопедичности (фундаментальности) гимназического образования [6. С. 283].

Принципы последующей политики Николая I в сфере образования, нормативного регулирования и управления им претерпевают серьезные изменения сообразно направлениям в общей внутренней политике государства.

Манифестом от 13 июля 1826 г. [21. С. 772–774], объявлявшим приговор декабристам, впервые было провозглашено, что реформа образования есть самое главное и самое действенное средство «отрезвления общества от дерзновенных мечтаний». Тем самым реформе образования придавалось важнейшее государственное значение. Рождалась доктрина «охранительного просвещения» [6. С. 245; 7. С. 15]: «Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станет и на сем поприще, как на всех других, примером всем другим состояниям. Всякий его подвиг к усовершенствованию отечественного, природного, **нечужеземного** [выделено автором] воспитания Мы примем с признательностью и удовольствием», – говорилось в тексте манифеста.

Принципы образования, система учебных заведений и управления ими становятся трансляторами государственной охранительной политики.

Правительством была заявлена одна из трех главных задач николаевского образовательного курса – унификация учебных заведений, введение «должного и необходимого единообразия» в воспитание и обучение. Вторая ключевая задача этого образовательного курса – создание жесткой сословной образовательной системы. Третьей основополагающей задачей стало воспитание «верноподданного», а не человека и гражданина, как требовала принятая ранее просветительная концепция образовательной политики времен начала александровского царствования [7. С. 174].

Следуя принципу «нечужеземного воспитания», специальный указ 1831 г. «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях» [22. С. 167–168] оговаривал следующее: «При способах воспитания, в отечестве Нашем ныне существующих, и при твердом намерении Нашем еще более распространить и усилить их, Мы с прискорбием усматриваем некоторые примеры стремления к образованию юношества вне Государства и вредные последствия для тех, кои таковое чужеземное воспитание получают <...>».

Николай I проводил последовательную политику против всесословности учебных заведений, которая была заложена в царствование его предшественника. Начал он с запретов в отношении крепостных крестьян. В высочайшем рескрипте, последовавшем на имя МНП А.С. Шишкова от 19 августа 1827 г., он отмечал, что «часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях; от сего происходит вред двоякий». С одной стороны, эти молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или своих родителей, «...нерадивые, по большей части, входят в училище уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах или через то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения»; с другой стороны, «...отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию». В этой связи Николай I посчитал нужным в университеты и гимназии принимать только лиц «свободных состояний», а крепостным оставлял возможность обучаться в приходских и уездных училищах и в частных заведениях [23. С. 675–677].

В 1828 г. был издан новый Устав российских общих учебных заведений [24. С. 1097–1127], действовавший до 1864 г. (до либеральной реформы Александра II в области образования) и следовавший политике ограничения возможности доступа уже широких слоев свободного населения к образованию. Это была типичная черта николаевской внутренней политики – консервативная линия на укрепление социальной опоры самодержавия. Чем меньший круг лиц имел доступ к высшим ступеням образования (с поднятием на каждую из четырех ступеней эта возможность все более ограничивалась), тем меньше в высшие слои общества и управления государством (которое обуславливалось в том числе и наличием высокого уровня образования) проникали разночинцы как наиболее политически неблагонадежный элемент (а уж тем более люди из низших, непривилегированных

сословий – крестьяне и мещане). Таким образом, потенциальная база для вольнодумства сокращалась. И наоборот, приверженные престолу «верноподданные» слои населения – дети дворян, чиновников, военных, священнослужителей – составляли основу для стабильности престола. Только их и следовало допускать до высших уровней образовательной системы.

В ведомстве университетов (как центрах учебных округов) находились три вида училищ (§ 2): 1) начальные училища (приходские); 2) уездные училища; 3) гимназии. Выстраивалась жесткая и иерархическая система управления (сверху вниз).

Главное новшество Устава 1828 г. заключалось в разрыве преемственности между гимназиями и начальными школами. Этот разрыв сохранялся вплоть до Октябрьской революции 1917 г.

Поскольку правительство Николая I стремилось организовать систему образования на сословных началах, то для крестьян (в том числе крепостных) предназначались только приходские училища с одногодичным курсом (§ 4). При этом Устав 1828 г. юридически закрепил отказ государства от финансирования этих училищ и возложил это на помещиков (строго добровольно), а также городское и сельское самоуправление (§ 38), которое, правда, практически не имело для этого средств. Поэтому до второй половины XIX в. (до проведения земской реформы Александром II) начальных школ в сельской местности практически не было, поскольку помещики были не заинтересованы в просвещении крестьян, а сельское самоуправление не имело к этому достаточно средств.

Уездные училища с 3-го годичным курсом предназначались для детей городских сословий (купцов, ремесленников, низших чиновников и низших военных офицерских чинов) (§ 46).

Гимназии стали предназначаться лишь для детей дворян, высших чиновников и военных. В них сохранялась плата за обучение, которую могли позволить себе очень немногие, в то время как приходские и уездные училища были бесплатными (§ 137).

По новому университетскому уставу 1835 г. [25. С. 841–855] полномочия по управлению средними и начальными школами были переданы от университетов в руки специальных чиновников – попечителей учебных округов непосредственно. Эта передача основывалась на «Положении об учебных округах» от 25 июня 1835 г. [26. С. 756–758], которое передавало административный контроль над учебными заведениями учебного округа в ведение именно попечителя. Николай I, аргументируя свое решение, отмечал, что «...с целью и в намерении еще более упрочить устройство публичных заведений, убедились Мы в необходимости освободить Университеты Наши от управления Гимназиями и училищами Учебных Округов, столь несовместного с умножением деятельности высших учебных заведений...» [26. С. 756]. Порядок иерархической зависимости низших училищ от средних остался неизменным. Новое Положение 1835 г. не распространялось на учебные заведения сибирских губерний и Закавказского края, а также временно на Дерптский учебный округ.

Положение от 25 июня 1835 г. было составлено на основе сделанного немногим ранее, 16 июня 1835 г., МНП графом С.С. Уваровым личного доклада императору. Самодержец выразил одобрение его предложениям. В частности, МНП приводились аргументы в пользу передачи функций руководства учебной деятельностью от университетов попечителям учебных округов: «Тридцатилетний опыт доказал, сколь невыгодна система нынешнего управления училищами посредством университетов: 1) профессора, исключительно посвящающие себя наукам, не имеют ни времени, ни надлежащих способностей к практическому управлению и успешному обозрению гимназий и училищ; 2) если в других государствах учебные заведения изъяты от управления университетов, то тем менее представляется возможность и нашим университетам заведовать училищами, рассеянными на расстоянии трех и четырех тысяч верст; 3) известно, в каком положении найдены наши гимназии в 1826 г. после долголетнего университетского управления, и в сем случае опыт сильнее всех умозрений показывает невыгоду нынешнего порядка управления». Обозначив причины отказа от управления округами университетами, МНП отметил ряд преимуществ в управлении системой образования именно попечителями: единство власти и ответственности попечителя; простота и, следовательно, «достоверность управления»; возможность чаще и «с большей пользой» попечителем вникать в дела вверенных ему заведений и т.п. [27. Стб. 955–957].

Специально следует остановиться здесь на новом университетском уставе 1835 г. и на выстраивании новой государственной политики в сфере университетского образования. В данном случае наблюдается дихотомия в университетском вопросе. С одной стороны, университеты ограничиваются в своей правоспособности (прежде всего ограничивается их административная и финансовая автономия, а также некоторые академические свободы); с другой стороны, университеты становятся факторами не только научно-образовательного, но в некоторой степени социально-экономического и политического развития страны.

Надо отметить, что университеты, учреждаемые в России до 1830-х гг., создавались по модели европейских средневековых университетов, а само зарождение университетского образования в России XVIII в. (начиная с Санкт-Петербургского академического университета 1724 г.) не было напрямую обусловлено внутренними потребностями развития русского общества и государства, но носило характер просветительского проекта, целиком поддерживаемого государством и направленного на воспитание нового типа подданных, «образование полезных деятелей на поприще государственной службы» [11. С. 110]. Это были корпоративные (хотя и учреждаемые государством) заведения, которые несли на себе еще средневековые «цеховые» привилегии (автономия в управлении, хозяйственная самостоятельность и т.п.). Такая модель рецептировалась с немецких университетов XVII–XVIII вв., находившихся в разрозненных германских королевствах, княжествах и городах.

С началом XIX в. в германских землях, а шире – в самой Европе, начинает проходить процесс рождения нового университетского типа. Происходит переход от узкокорпоративного университета разрозненных государств и земель – к государственному по своему значению учреждению, служащее уже не узкогрупповым, а широким общественным (государственным) интересам. В немецких землях на протяжении XVIII в. появляются «передовые» (в смысле движения к новой модели) университеты, находившиеся на полном обеспечении государства, которое взяло на себя борьбу с пережитками средневековой корпоративности и насаждало здесь новые идеалы и цели, связанные с углублением научных занятий. Особенно это стало заметно с начала XIX в., с основанием Берлинского университета, от которого ведет отсчет «классическая университетская модель».

Одновременно на рубеже XVIII–XIX вв. значительная часть прежних ученых корпораций с укорененным в средневековье строем сошла с исторической сцены или была реорганизована на новых принципах. В задачу государства теперь входило поддержание успешной деятельности университета с помощью должного финансирования, регулирование поступления сюда подготовленных студентов (что достигалось введением обязательного для поступления в университет государственного экзамена по окончании гимназии), а также преподавателей высокого уровня (с помощью системы государственного конкурса на университетские должности) [28. С. 158–159]. Сам Берлинский университет для Германии и всемерная поддержка его государством имели важное значение в деле замены ранее существовавших «космополитических» учебных заведений национально-ориентированными. И эта идея была важна для Пруссии, которая стремилась на протяжении первой половины XIX в. к объединению германских земель.

Именно поэтому введенный под руководством С.С. Уварова университетский Устав 1835 г. был не шагом назад, как зачастую утверждается в историографии, но даже несколько наоборот, шагом вперед. Происходила замена университетской модели старого типа (разрозненной и узкокорпоративной) – новой системой, объединившей университеты в единую государственную систему и ставившую их на службу государству и обществу [11. С. 114]. Это достигалось и тем, что университетская корпорация ставилась на службу государства: профессора и сотрудники университетов состояли на службе по ведомству МНП, т.е. были государственными чиновниками; студенты и выпускники университетов получали низшие чины в соответствии с Табелем о рангах и т.п.

При этом осуществлялись строгая государственная регламентация, государственный контроль и надзор за деятельностью университетов.

Характеризуя государственную политику николаевской эпохи (программа, выдвинутая МНП С.С. Уваровым) в вопросах образования и реализации принципов управления и нормативного регулирования, можно обозначить такие тенденции, как централизация управления школьным делом; более жесткое

сословное разграничение различных видов образования и типов школ; ограничение университетской автономии и академических свобод; утверждение классицизма как основного направления и основной концепции среднего образования (при незначительном развитии профессиональных школ); подчинение частных учебных заведений и домашнего воспитания правительственному контролю; преобразование учебного дела на окраинах империи (в том числе национальных) в общегосударственной парадигме (усиление политики русификации); нерешение вопроса с открытием национально ориентированных учебных заведений) и т.д. [7. С. 183].

Эти тенденции в российской образовательной политике (с некоторой модификацией) были характерны для всего XIX и начала XX в., за исключением небольшого периода преобразований в рамках Великих реформ Александра II. Главная черта и основа всей образовательной политики, начиная с Николая I и далее, была выражена в формуле графа С.С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность».

Годы правления Александра II внесли существенные новшества в базовые принципы организации образовательного процесса в России и управления им и положили начало третьему этапу имперской системы образовательных учреждений, органов управления и нормативного регулирования образовательной сферой.

Реформа образования была выстроена в логике Великих реформ и была нацелена на преодоление феодально-крепостнических, средневековых пережитков и институтов, которые сдерживали развитие общества и страны (тормозило экономическое, социальное, политическое и культурное развитие), модернизацию базовых процессов в функционировании государства и в конструировании буржуазно-демократического общества.

В это время не одна лишь государственная политика (что было характерно для предыдущего николаевского правления) обуславливала направление развития образования и управления им. Появляется такой важный фактор, как общественная инициатива (что называется, движение «снизу»), связанная с зарождающимся гражданским обществом в стране, что приводило к изменению ситуации в сфере образования. И как раз в тесном взаимодействии государства и общества реализуются многие аспекты, такие как расширение сети образовательных учреждений (в том числе за счет частного сектора), демократизация обучения и управления этим процессом, появление новых направлений в образовательной политике и т.п.

Первыми шагами в сфере образования, предпринятыми Александром II, было восстановление прежних форм и институтов управления, упраздненных в последние годы царствования Николая I. Указом правительствующему сенату от 27 декабря 1855 г. «О возложении управления учебными округами на особых попечителей» [29. С. 760] функции по управлению учебными округами из рук военных чиновников – генерал-губернаторов, «коим, сверх прямых по их званию обязанностей, было временно поручено и управление некоторыми Учебными Округами», были

обратно возвращены гражданским чиновникам – попечителям (согласно Положению от 25 июня 1835 г.).

Николаем I это управление было поручено генерал-губернаторам по причине того, что он старался выстроить территориальное управление на принципах жесткой вертикали и «военно-казарменного устройства», которые обеспечивались военным человеком, действующим на началах субординации и строгого исполнения приказов.

Николаем I были упразднены Главное правление училищ и Ученый комитет при МНП. Упразднение этих институтов также лежало в логике николаевской административной политики – в стремлении все процессы максимально унифицировать и подчинить единой вертикали управления. Указом от 8 марта 1856 г. «О преобразовании Главного правления училищ» [30. Ст. 50–57] два этих органа управления были восстановлены.

Впервые были предприняты реальные шаги для развития начального образования, для создания массовой школы, для реализации и поддержки общественной инициативы в организации народного образования. Заметные изменения произошли в области среднего образования. Если предшествовавшая реформа 1828 г. выдвигала прямое требование «повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности сообразуемы с будущим вероятным предназначением обучающихся» [31. С. 676] (т.е. исходными были принципы сословности и утилитарности школы), то теперь средняя школа объявлялась общеобразовательной и общедоступной, открытой для всех сословий. Правда, эта общедоступность была все же ограничена, поскольку плата за обучение закрывала доступ в среднюю школу детям неимущих слоев населения.

Необходимые предпосылки создавались и для развития среднего женского образования. С конца 50-х гг. XIX в. стали создаваться открытые всесословные женские гимназии, тогда как ранее существовали только немногочисленные институты благородных девиц – закрытые учебные заведения, доступные лишь высшим сословиям.

Значительные изменения происходили и в высшей школе. Новый (уже третий по счету в XIX в.) Университетский устав 1863 г. [32. С. 621–638] восстанавливал академическую автономию университетов, ограниченную Уставом 1835 г., устранял произвол инспекции и неограниченное ее вмешательство в жизнь студентов, способствовал улучшению учебной и научной работы в университете и в немалой степени демократизации высшего образования и науки [7. С. 488–489].

14 июля 1864 г. было принято «Положение о начальных народных училищах» [33. С. 613–618], которое отменяло государственную и церковную монополию на образование. После реформы системы образования начальные школы могли открывать также общественные учреждения и частные лица. Срок обучения в начальной школе не превышал 3 лет.

Положение 1864 г. установило систему учебных заведений, к которым стали относиться: заведения по

ведомству МНП (все заведения, которые рассматриваются в настоящем исследовании); по ведомствам министерств государственных имуществ, внутренних дел, Удельного, Горного (все отраслевые и специализированные учебные заведения); по ведомству духовному (духовные академии, семинарии и т.п.).

Согласно Положению в начальные народные училища могли приниматься дети всех сословий «без различия вероисповедания» (§ 6), и в гимназиях и прогимназиях могли также обучаться дети всех сословий без различия звания и вероисповедания (§ 53).

Принятый в том же 1864 г. «Устав гимназий и прогимназий» [34. С. 167–179] в первом параграфе устанавливал, что гимназии были призваны «доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища». Именно гимназии стали основным звеном средней школы. Все гимназии по набору предметов и целей обучения (§ 2) были разделены на два типа – классические и реальные (с 1872 г. переименованы в реальные училища). Классические готовили к поступлению в университеты, а реальные – в высшие технические учебные заведения. Кроме гимназий, «там, где представится надобность и возможность, а также в местах, не имеющих гимназий», могли учреждаться прогимназии, состоявшие только из 4 низших классов гимназии и разделявшиеся также на классические и реальные» (§ 5).

Теперь реформа образования 1864 г. разделяла людей на сословия не по юридическому принципу рождения, а по типу полученного образования: классические гимназии – подготовка к поступлению в университет (последний в дальнейшем давал преимущество при поступлении на государственную службу, в казенные заведения и т.п.), реальные гимназии – подготовка к поступлению в высшие технические учебные заведения (основной контингент – промышленники, торговцы, инженеры и т.п.). Фактически образование оставалось доступным не всем слоям населения, поскольку стоимость обучения была очень высокой.

В 1871 г. была проведена еще одна реформа среднего образования, которая скорректировала некоторые положения средней школы в Российской империи. Новый устав [35. С. 85–99] признавал гимназическим только классическое образование. Реальные гимназии были преобразованы в реальные училища с сокращенным (6-летним) курсом. Значительно увеличилось в классических гимназиях преподавание древних языков и математики (для подготовки к поступлению в университеты). Продолжительность обучения в гимназии увеличилась до 8 лет (не считая «приготовительного» класса). Устав 1871 г. формально продолжал действовать до 1918 г., однако преподавание древних языков в большом объеме вызвало значительное недовольство в обществе и со временем сокращалось.

Как и большинство «Великих реформ», реформа образования тоже имела незавершенный характер (наиболее последовательными и завершенными ока-

зались военная и судебная реформы). Декларируемая всеобщность образования ограничивалась сохранением платы в заведениях более высокого уровня; невозможность поступить в университет, без обучения в классической гимназии (в которых преподавались классические древние языки как необходимое условие для сдачи вступительных испытаний в университет) и т.п. Поэтому выходцы из низших и средних слоев общества, которым доступ в классические гимназии фактически был ограничен, имели преимущественно доступ только в реальные училища.

Контрреформаторская линия как ведущее направление правительственной политики окончательно сформировалась и получила свое развитие в период реакции Александра III в 1880-х – начале 1890-х гг. Однако охранительные шаги образовательного контрреформаторства стали проявляться уже в предыдущее десятилетие – в последний период правления Александра II. Эти контрреформы упреждали три ключевые идеи программы дворянской реакции, развернувшейся в середине 1880-х гг.: искоренение свободомыслия; ограничение деятельности земства, в том числе в сфере народного образования; возрождение принципа сословности во всех сферах русской жизни, в том числе в области образования на всех его уровнях.

Со временем главным объектом образовательных контрреформ 1880-х гг. стали университеты – новый университетский устав органически завершал начатый ранее (уже в последний период правления Александра II) цикл образовательных контрреформ.

В 1884 г. были приняты «Правила о церковно-приходских школах» [36. С. 372–374], с которых началось наступление духовенства на созданную общественными усилиями земскую народную школу: «... Школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания» (§ 1).

Последний царский университетский устав 1884 г. вводил ряд новшеств в вопросы организации и управления университетами, его реакционный характер был явно выражен в сравнении с Уставом 1863 г. Новым Уставом значительно повышалась роль попечителя учебного округа и ректора университета, который теперь назначался МНП непосредственно, права советов университетов были сведены до минимума, назначение деканов факультетов было возложено на попечителя округа (вместо собрания факультета), а срок избрания был увеличен с трёх до четырёх лет и т.п. [37. С. 456–474].

В изданном в 1887 г. «Циркуляре о кухаркиных детях» [38. Ст. 880–883] МНП граф И.Д. Делянов (после высочайше утвержденного императором его доклада по этому вопросу) отмечал: «...нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гим-

назии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей...».

В дальнейшем, уже в период правления Николая II, система образования всех уровней менялась незначительно, и в общих чертах сохранила базовые начала, заложенные его предшественниками (даже в период и после революции 1905–1907 гг.). Николай II придерживался консервативных начал в политике, в том числе и в образовательной сфере. Даже события первой русской революции существенно не изменили его подходов. Дело в том, что образование в этот период отходило на второй план в вопросах внутренней политики, а его функция в резко меняющихся условиях пока не была определена.

Попытки буржуазно-демократических преобразований Временного Правительства могли бы стать новым этапом демократического развития системы образования и образовательных учреждений, органов управления и нормативного регулирования образовательной сферы в России. Однако в силу ряда причин этого так и не произошло.

Временным Правительством уже с марта 1917 г. планировалось реализовать несколько инициатив в сфере образования в духе буржуазно-демократических революционных изменений. Прежде всего, оно ставило для себя задачи разрешения давних проблем системы российского образования – социальных (сословных), национальных, религиозных (вероисповеднических) и гендерных ограничений [39. С. 42–49]. Для разработки конкретных мер по реформированию образования было создано сразу три новых органа: Комитет по народному образованию, Комиссия по реформе высших учебных заведений и Собрание по реформе высших учебных заведений [40. С. 71].

29 марта 1917 г. было опубликовано постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». В частности, снимались ограничения на поступление в учебные заведения (прежде всего, в гимназии и университеты) не титульных наций (не русских национальностей), отменялись ограничения, связанные с употреблением иных, кроме русского, языков и наречий при преподавании в частных (и не только частных) учебных заведениях всякого рода на национальных территориях [39. С. 44–45].

Для демократизации образования было разрешено из средств казны и иных источников (в том числе и частных), открывать гимназии, прогимназии и реальные училища с обучением там лиц обоего пола и с распространением на них действовавших установлений о мужских гимназиях, прогимназиях и реальных училищах МНП [41. С. 203–204]. Для преподавания не только в общих (для лиц обоего пола), но и в мужских учебных заведениях был открыт доступ женщинам [42. С. 223–224].

С целью расширения возможности получения среднего образования МНП было предоставлено право за казенный счет или из иных источников учреждать четырехклассные гимназии и реальные училища, на которые распространялись действующие узаконения о мужских гимназиях и реальных училищах.

Упрощалась процедура поступления в эти учебные заведения. Окончившие эти заведения могли пользоваться всеми правами наравне с лицами, окончившими курс 8-классных гимназий и 7-классных реальных училищ [43. С. 220–222]. Позже МНП было предоставлено право преобразовывать 8-классные гимназии и 7-классные реальные училища (казенные или содержавшиеся из местных средств) в 4-классные гимназии и реальные училища [44. С. 135–136].

В июне 1917 г. для обеспечения планомерного перехода к всеобщему обучению все начальные училища, включенные в школьную систему, а также те, на которые отпускались средства из казны, в том числе и церковные начальные школы ведомства православного исповедания, а также церковно-учительские и второклассные школы, передавались в ведение МНП [45. С. 1818–1819].

Особое внимание Временного Правительства в сфере образования было направлено на вопросы высшей школы, что во многом было обусловлено желанием расширить свою социальную базу и получить политическую поддержку в среде вузовской интеллигенции и учащихся. Исследователи выделяют три направления данной деятельности: демократизация правил приема в вузы, расширение сети вузов и установление принципов автономии высшей школы [40. 70–83]. Два первых направления получили дальнейшее развитие при советской власти, а вот вопросы об автономии высшей школы на почти 70-летний период были преданы забвению в нашем государстве.

Временное Правительство при реформировании образования всех уровней и выстраивании новой системы управления данной сферой долгосрочных изменений не реализовало. Это объясняется как кратковременным периодом его существования и некоторой декларативностью ряда норм, так и экономическими, политическими и организационными трудностями того периода.

Подводя итоги и анализируя сложную систему организации управления и нормативного регулирования образования в России в имперский период, можно выделить определенные черты и тенденции в его развитии.

Образование (просвещение) как специальная сфера государственной политики и отраслевого управления выделилось в начале XIX в., во время административных преобразований александровского правления. Тогда же единая структура общеобразовательных учебных заведений была выстроена в единую систему, пронизывающую все уровни образования, от низших – к высшим учебным заведениям. Логика преобразований, заложенная Александром I в образовательную политику, строилась на таких основах, как всесословность, доступность, преемственность образования на различных уровнях и т.п.

Дальнейшая образовательная политика преемников Александра I на российском престоле напрямую зависела от мировоззренческих взглядов и направлений внутренней политики. В системе организации и управления образованием шла постоянная борьба двух тенденций: консервативно-охранительной (пе-

риод на протяжении всего XIX и начала XX в.) и либеральных преобразований (1860–1870-е гг. и кратковременный период буржуазно-демократической республики Временного Правительства). Для первой тенденции было характерным установление сословных перегородок с целью ограничения доступа к образованию (а значит, в перспективе – к государственной службе, социальным лифтам и т.д.) низших слоев населения страны. Поощрялось получение образования более высокого уровня детьми подданных, которые рассматривались как опора монархического режима (помещики, чиновники, военные и др.). Вторая тенденция характеризовалась введением сословного характера обучения, устранением сословных ограничений и т.п. Так, при Александре II на смену школе сословной приходила классовая (сословная) школа.

Также репрезентативным материалом для иллюстрации образовательной политики российских самодержцев и их сподвижников всегда являлись университетские уставы. Все уставы (Александра I 1803 г., Николая I 1835 г., Александра II 1863 г. и Александра III 1884 г.) в вопросах управления университетами отличались друг от друга степенью либерализации или, наоборот, консерватизма. Уставы устанавливали режим большего (1835 г. и 1884 г.) или меньшего (1803 г. и 1864 г.) вмешательства государственной администрации в автономию университетов (по вопросам управления университетами, кадровым вопросам и др.).

В контексте разговора о системе общего и высшего образования в Российской империи и нормативного регулирования этой сферы общественной жизни остановимся на вопросе о существовании отрасли образовательного права в дореволюционный период. В современной исследовательской литературе этой проблеме не уделяется специального внимания. Ряд авторов, исследующих вопросы истории и развития образовательного права в России, определяют начало его становления с советского периода, аргументируя это тем, что появляются конституционные нормы в первых советских конституциях, регулирующие вопросы образования в стране [46. С. 10–30]. Также аргументом в пользу этой хронологии служит то обстоятельство, что в дореволюционной России не проводилось полноценной кодификации отраслевого законодательства, поэтому выделение отраслей права не получило должного развития. В этой связи следует отметить, что отсутствие в имперской России консти-

туционализма (вплоть до 1906 г.) еще не является аргументом в пользу отсутствия специальной сферы государственного правового регулирования особой сферы – образования. В некоторых исследованиях наблюдается другая крайность, когда зарождение отрасли образовательного права увязывается с развитием только самого законодательства об образовании [47. С. 87–91; 48. С. 701–707]. В теоретико-методологической работе профессора В.М. Сырых при анализе системообразующих признаков отрасли образовательного права дореволюционный и советский периоды вообще не рассматриваются как время, когда имелось образовательное право, и отсчет этой отрасли начинается лишь с современного (постсоветского) этапа развития отечественного права [49. С. 201–206].

Результаты проведенного в настоящей статье исследования позволяют предположить, что образовательное право как самостоятельная отрасль права сформировалась в России уже в первой половине XIX в., выделившись из административного права как отрасли публичного права [50. С. 548–554]. Несомненным для автора остается отсчет этой отрасли с дореволюционного, царского периода. Свое дальнейшее развитие эта отрасль с особым предметом своего регулирования и особым субъектным составом получает уже во второй половине XIX в.

Основанием так считать является то обстоятельство, что уже в первой половине XIX в. массив образовательного законодательства переходит от количественной совокупности к качественному единству (указы о системе образования, университетские уставы и т.п.), образование становится отраслью и специальной сферой управления государством (через МНП). Складываются обладающие определенными признаками отношения, нормативные обобщения, обеспечительные механизмы, социальный запрос, наконец. Здесь мы видим все присущие отрасли признаки. Образовательное право как отрасль представляла собой совокупность обособленных, автономных юридических норм, регулировавших определенную область (сферу) общественных отношений. Предметом образовательного права являлись отношения, возникавшие в сфере образования, в том числе различавшиеся по субъектному составу (образовательные учреждения различной организационно-правовой формы и т.п.). Наряду с образовательным правом можно говорить об образовательном законодательстве, которое представляло собой самостоятельную отрасль российского законодательства.

Список источников

1. Академическая привилегия // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. М. : Педагогика. 1985. С. 236–240.
2. Указ именной, объявленный из Сената от 28 января 1724 г. № 4443 «Об учреждении Академии и о назначении для содержания оной доходов таможенных и лицензных, собираемых с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбуга» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. VII: 1723–1727 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 220–224.
3. Указ от 24 января 1755 г. № 10.346 «Об учреждении Московского университета и двух гимназий» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XIV: 1754–1757 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 284–294.
4. Именной указ от 5 мая 1764 г. № 12.154 «О воспитании благородных девиц в Санкт-Петербурге при Воскресенском монастыре, с приложением устава и штата сего Воспитательного общества» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XVI: 1762–1764 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 742–755.
5. Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи от 5 августа 1786 г. № 16.421 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXII: 1784–1788 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 646–669.

6. Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX в. в зеркале законодательных актов (фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 279–288.
7. Российское законодательство об образовании XIX – начала XX в. : сб. документов : [в 3 т.] / ред.-сост. Э.Д. Днепров. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. Т. I. 832 с.
8. Манифест об учреждении министерств от 8 сентября 1802 г. № 20.406 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 243–248.
9. Манифест «Общее учреждение министерств» от 25 июня 1811 г. № 24.686 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXXI: 1810–1811 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 686–719.
10. Указ именной, данный Сенату от 24 января 1803 г. № 20.597 «Об устройстве училищ» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 437–442.
11. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Ч. 2) // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 110–119.
12. Указ именной, данный Сенату от 6 августа 1809 г. № 23.771 «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в Коллежские Ассессоры и Статские Советники» // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXX: 1808–1809 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 1054–1057.
13. Утвердительная грамота Московского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.502 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 647–650.
14. Утвердительная грамота Харьковского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.503 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 650–653.
15. Утвердительная грамота Казанского Императорского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.504 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 653–656.
16. Высочайше утвержденный устав Императорского Московского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.498 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 570–589.
17. Высочайше утвержденный устав Императорского Харьковского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.499 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 589–607.
18. Высочайше утвержденный устав Императорского Казанского Университета от 5 ноября 1804 г. № 21.500 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 607–626.
19. Устав или общие постановления Императорского Виленского Университета и училищ его округа от 18 мая 1803 г. № 20.765 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVII: 1802–1803 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 610–620.
20. Высочайше утвержденный Устав учебных заведений, подведомых университетам, от 5 ноября 1804 г. № 21.501 // ПСЗРИ. Собр. Первое. Т. XXVIII: 1804–1805 гг. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 626–644.
21. Манифест о совершении приговора над государственными преступниками от 13 июля 1826 г. № 465 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. I. 12 декабря 1825 г. – 1826 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 772–774.
22. Указ именной, данный Сенату «О воспитании российского юношества в отечественных учебных заведениях» от 18 февраля 1831 г. № 4364 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. VI, ч. 1: 1831 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 167–168.
23. Высочайший рескрипт, последовавший на имя Министра Народного Просвещения Шишкова от 19 августа 1827 г. № 1308. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. II: 1827 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 675–677.
24. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского от 8 декабря 1828 г. № 2502. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. III: 1828 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 1097–1127.
25. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских университетов от 26 июля 1835 г. № 8337 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. X, отд. 1: 1835 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1836. С. 841–855.
26. Высочайше утвержденное Положение об учебных округах Министерства народного просвещения от 25 июня 1835 г. № 8262 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. X, отд. 1: 1835 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1836. С. 756–758.
27. Июня 16 и 25. Положение об Учебных округах Министерства Народного Просвещения // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825–1855. Отд. 1-е: 1825–1839. 1875. Стб. 955–957. СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1875–1876.
28. Андреев А.Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие (Ч. 1) // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169.
29. Именной, данный Сенату Указ «О возложении управления учебными округами на особых Попечителей» от 27 декабря 1855 г. № 29993. // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXX, отд. 1: 1855 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1856. С. 760.
30. Указ «О преобразовании Главного правления училищ» от 8 марта 1856 г. № 40 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 3 : Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб. : В тип. Императорской академии наук. 1865. Ст. 50–57.
31. Высочайший рескрипт, последовавший на имя Министра Народного Просвещения Шишкова от 19 августа 1827 г. № 1308 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. II: 1827 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1830. С. 676.
32. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов от 18 июня 1863 г. № 39752 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXVIII, отд. 1: 1863 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1866. С. 621–638.
33. Высочайше утвержденное Положение о начальных народных училищах от 14 июля 1864 г. № 41068 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXIX, ч. 1: 1864 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1867. С. 613–618.
34. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 19 ноября 1864 г. № 41472 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XXXIX, ч. 2: 1864 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1867. С. 167–179.
35. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 30 июля 1871 г. № 49860 // ПСЗРИ. Собр. Второе. Т. XLVI, ч. 2: 1871 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1874. С. 85–99.
36. Высочайше утвержденные правила о церковно-приходских школах от 13 июня 1884 г. № 2318 // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. IV: 1884 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1887. С. 372–374.
37. Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов от 23 августа 1884 г. № 2404 // ПСЗРИ. Собр. Третье. Т. IV: 1884 г. СПб. : Тип. II Отд-ия СЕИВК, 1887. С. 456–474.
38. Циркуляр по министерству народного просвещения «О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных» от 18 июня 1887 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Том десятый: Царствование Императора Александра III. 1885–1888 годы. СПб., 1894. № 434. Ст. 880–883.
39. Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Законодательная деятельность Временного Правительства в области народного образования // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 4 (28). С. 42–49.
40. Сизова А.Ю. Российское высшее образование при Временном правительстве: замысел и начало демократической реформы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2009. № 17. С. 70–83.
41. Постановление Временного Правительства от 24 апреля 1917 г. «О гимназиях, прогимназиях и реальных училищах для совместного обучения детей обоего пола» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 203–204.

42. Постановление Временного Правительства от 24 апреля 1917 г. «Об изменении некоторых узаконений относительно служащих в общеобразовательных средних учебных заведениях» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 223–224.
43. Постановление Временного Правительства «Об изменении некоторых узаконений о средних общеобразовательных учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения» // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1–2: 1917–1918. Вып. 1: 27 февраля 1917 г. – 5 мая 1917 г. / сост. Отд-ем свода законов Гос. канцелярии. Пг. : Гос. тип., 1917. С. 220–222.
44. Постановление Временного Правительства от 17 июня 1917 г. «О преобразовании восьмиклассных гимназий и семиклассных реальных училищ в четырехклассные гимназии и реальные училища» // Журнал Министерства Народного Просвещения, 1917 г. Новая серия. Ч. 71 [№ 9]. Сентябрь. Пг. : Сенатская тип., 1917. 360 с.
45. Постановление Временного Правительства от 20 июня 1917 г. «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения) // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1917. № 182. 4 августа. Отд. 1. Ст. 1014. С. 1818–1819.
46. Образовательное право : учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Д.А. Аксеновой. М. : Книгодел, 2016. 312 с.
47. Овчинников А.В. Образовательное право и законодательство в дореволюционной России // Образование и общество. 2010. № 6 (65). С. 87–91.
48. Гусева А.А., Кутько В.В. Исторические аспекты правового регулирования образовательных отношений в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Т. 43, № 4. С. 701–707.
49. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М. : Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. 339 с.
50. Шершеневич Г.В. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. Т. 1, вып. 1–4. М. : Изд-во Бр. Башмаковых, 1910. 839 с.

References

1. Akademicheskaya privilegiya // Antologiya pedagogicheskoy mysli Drevney Rusi i Russkogo gosudarstva XIV-XVII vv. М. : Pedagogika. 1985. S. 236–240.
2. Ukaz imennoy, obyavlennoy iz Senata ot 28 yanvarya 1724 g. № 4443 «Ob uchrezhdenii Akademii i o naznachenii dlya sodержaniya onoy dohodov tamozhennyh i licentnyh, sobiraemyh s gorodov Narvy, Derpta, Pernova i Arensburga» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. VII. 1723-1727 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 220–224.
3. Ukaz ot 24 yanvarya 1755 g. № 10.346 «Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvuh gimnaziy» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XIV. 1754-1757 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 284–294.
4. Imennoy ukaz ot 5 maya 1764 g. № 12.154 «O vospitanii blagorodnyh devic v Sankt-Peterburge pri Voskresenskom monastyre, s prilozheniem ustava i shtata sego Vospitatelnogo obshchestva» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XVI. 1762-1764 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 742–755.
5. Vysochayshe utverzhdennyy Ustav narodnym uchilishcham v Rossiyskoy imperii ot 5 avgusta 1786 g. № 16.421 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXII. 1784-1788 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 646–669.
6. Dneprov E.D. Rossiyskaya obrazovatel'naya politika XIX – nachala XX v. v zerkale zakonodatel'nykh aktov (fragmenty iz knigi E.D. Dneprova) // Voprosy obrazovaniya. 2015. № 2. S. 279–288.
7. Rossiyskoe zakonodatel'stvo ob obrazovanii XIX – nachala HH veka: sb. dokumentov: [v 3 t.] / red.-sost. E.D. Dneprov. М. : Izd. dom Vyssh. shk. ekonomiki, 2017. T. I. 832 s.
8. Manifest ob uchrezhdenii ministerstv ot 8 sentyabrya 1802 g. № 20.406 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 243–248.
9. Manifest «Obshee uchrezhdenie ministerstv» ot 25 iyunya 1811 g. № 24.686 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXXI. 1810-1811 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 686–719.
10. Ukaz imennoy, dannyi Senatu ot 24 yanvarya 1803 g. № 20.597 «Ob ustroystve uchilishch» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 437–442.
11. Andreev A.Yu. «Nacional'naya model» universitetskogo obrazovaniya: vzniknoenie i razvitie (Ch. 2) // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 2. S. 110–119.
12. Ukaz imennoy, dannyi Senatu ot 6 avgusta 1809 g. № 23.771 «O pravilah proizvodstva v chiny po grazhdanskoj sluzhbe i ob ispytaniyah v naukah, dlya proizvodstva v Kollezhskie Aessory i Statskie Sovetniki» // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXX. 1808-1809 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 1054–1057.
13. Utverditelnaya gramota Moskovskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.502 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 647–650.
14. Utverditelnaya gramota Harkovskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.503 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 650–653.
15. Utverditelnaya gramota Kazanskogo Imperatorskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.504 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 653–656.
16. Vysochayshe utverzhdennyy ustav Imperatorskogo Moskovskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.498 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 570–589.
17. Vysochayshe utverzhdennyy ustav Imperatorskogo Harkovskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.499 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 589–607.
18. Vysochayshe utverzhdennyy ustav Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.500 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 607–626.
19. Ustav ili obshchie postanovleniya Imperatorskogo Vilenskogo Universiteta i uchilishch ego okruga ot 18 maya 1803 g. № 20.765 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVII. 1802-1803 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 610–620.
20. Vysochayshe utverzhdennyy Ustav uchebnyh zavedeniy, podvedomyh universitetam ot 5 noyabrya 1804 g. № 21.501 // PSZRI. Sobr. Pervoe. T. XXVIII. 1804-1805 gg. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 626–644.
21. Manifest o sovershenii prigovora nad gosudarstvennymi prestupnikami ot 13 iyulya 1826 g. № 465 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. I. 12 dekabrya 1825 g. – 1826 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 772–774.
22. Ukaz imennoy, dannyi Senatu «O vospitanii rossiyskogo yunoshestva v otechestvennykh uchebnykh zavedeniyah» ot 18 fevralya 1831 g. № 4364 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. VI. Ch. 1. 1831 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 167–168.
23. Vysochayshiy reskript, posledovavshiy na imya Ministra Narodnogo Prosveshcheniya Shishkova ot 19 avgusta 1827 g. № 1308. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. II. 1827 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 675–677.
24. Ustav gimnaziy i uchilishch uezdnyh i prihodskih, sostoyashchih v vedomstve universitetov S.-Peterburgskogo, Moskovskogo, Kazanskogo i Harkovskogo ot 8 dekabrya 1828 g. № 2502. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. III. 1828 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 1097–1127.

25. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh universitetov ot 26 iyulya 1835 g. № 8337 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. X. Otd. 1. 1835 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1836. S. 841–855.
26. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie ob uchebnykh okrugah Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 25 iyunya 1835 g. № 8262 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. X. Otd. 1. 1835 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1836. S. 756–758.
27. Iyunya 16 i 25. Polozhenie ob Uchebnykh okrugah Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. 2-e izd. SPb. : Tip. V.S. Balasheva, 1875-1876. T. 2: Carstvovanie imperatora Nikolaya I. 1825-1855. Otd. 1-e: 1825-1839. 1875. Stb. 955–957.
28. Andreev A.Yu. «Nacionalnaya model» universitetskogo obrazovaniya: vznikovnenie i razvitie (Ch. 1) // Vyshee obrazovanie v Rossii. 2005. № 1. S. 156–169.
29. Imennoy, dannyi Senatu Ukaz «O vozlozhenii upravleniya uchebnymi okrugami na osobyh Popechiteley» ot 27 dekabrya 1855 g. № 29993. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXX. Otd. 1. 1855 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1856. S. 760.
30. Ukaz «O preobrazovanii Glavnogo pravleniya uchilishch» ot 8 marta 1856 g. № 40 // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya: T. 3: Carstvovanie imperatora Aleksandra II, 1855-1864. SPb. : V tip. Imperatorskoy akademii nauk. 1865. St. 50–57.
31. Vysochayshiy reskript, posledovavshiy na imya Ministra Narodnogo Prosveshcheniya Shishkova ot 19 avgusta 1827 g. № 1308. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. II. 1827 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1830. S. 676.
32. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh Universitetov ot 18 iyunya 1863 g. № 39752. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXVIII. Otd. 1. 1863 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1866. S. 621–638.
33. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie o nachalnykh narodnykh uchilishchah ot 14 iyulya 1864 g. № 41068 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXIX. Ch. 1. 1864 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1867. S. 613–618.
34. Vysochayshe utverzhdenyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 19 noyabrya 1864 g. № 41472. // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XXXIX. Ch. 2. 1864 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1867. S. 167–179.
35. Vysochayshe utverzhdenyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya ot 30 iyulya 1871 g. № 49860 // PSZRI. Sobr. Vtoroe. T. XLVI. Ch. 2. 1871 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1874. S. 85–99.
36. Vysochayshe utverzhdennye pravila o cerkovno-prihodskikh shkolah ot 13 iyunya 1884 g. № 2318 // PSZRI. Sobr. Trete. T. IV. 1884 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1887. S. 372–374.
37. Vysochayshe utverzhdenyy Obshchiy Ustav Imperatorskikh Rossiyskikh Universitetov ot 23 avgusta 1884 g. № 2404 // PSZRI. Sobr. Trete. T. IV. 1884 g. Izd-vo: Tip. II Otd-ya SEIVK. SPb., 1887. S. 456–474.
38. Cirkulyar po ministerstvu narodnogo prosveshcheniya «O sokrashchenii chisla uchenikov v gimnaziyah i progimnaziyah i izmenenii sostava onykh» ot 18 iyunya 1887 g. // Sbornik postanovleniy po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya. Tom desyatyy. Carstvovanie Imperatora Aleksandra III. 1885-1888 gody. SPb., 1894. № 434. St. 880–883.
39. Zvonarev A.V., Pashencev D.A. Zakonodatel'naya deyatel'nost' Vremennogo Pravitel'stva v oblasti narodnogo obrazovaniya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 4 (28). S. 42–49.
40. Sizova A.Yu. Rossiyskoe vysshee obrazovanie pri Vremennom pravitel'stve: zamysel i nachalo demokraticheskoy reformy // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie». 2009. № 17. S. 70–83.
41. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 24 aprelya 1917 g. «O gimnaziyah, progimnaziyah i realnykh uchilishchah dlya sovme'nogo obucheniya detey oboego pola» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 203–204.
42. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 24 aprelya 1917 g. «Ob izmenenii nekotorykh uzakoneniy otnositel'no sluzhashchih v obshcheobrazovatel'nykh srednykh uchebnykh zavedeniyah» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 223–224.
43. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva «Ob izmenenii nekotorykh uzakoneniy o srednykh obshcheobrazovatel'nykh uchebnykh zavedeniyah vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya» // Sbornik ukazov i postanovleniy Vremennogo pravitel'stva. Vyp. 1-2. 1917-1918. Vyp. 1: 27 fevralya 1917 g. – 5 maya 1917 g. / Sost. Otd-em svoda zakonov Gos. kancelyarii. Pg.: Gos. tip., 1917. S. 220–222.
44. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 17 iyunya 1917 g. «O preobrazovanii vosmikklassnykh gimnaziy i semikklassnykh realnykh uchilishch v chetyrekklassnye gimnazii i realnye uchilishcha» // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya, 1917 g. Novaya seriya. Ch. 71 [№ 9]. Sentyabr. – Pg.: Senatskaya tip., 1917. 360 s.
45. Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 20 iyunya 1917 g. «Ob obedinenii, v celyakh vvedeniya vseobshchego obucheniya, zavedeniy raznykh vedomstv v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya» (o peredache cerkovno-prihodskikh shkol v vedenie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya) // Sbranie uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitel'stva. Pg., 1917. № 182. 4 avgusta. Otd. 1. St. 1014. S. 1818–1819.
46. Obrazovatel'noe pravo: uchebnoe posobie dlya bakalavrov / Pod obshch. red. D.A. Aksenovoy. M. : Knigodel, 2016. 312 s.
47. Ovchinnikov A.V. Obrazovatel'noe pravo i zakonodatel'stvo v dorevolucionnoy Rossii // Obrazovanie i obshchestvo. 2010. № 6 (65). S. 87–91.
48. Guseva A.A., Kutko V.V. Istoricheskie aspekty pravovogo regulirovaniya obrazovatel'nykh otноsheniy v Rossii // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2018. T. 43. № 4. S. 701–707.
49. Syryh V.M. Vvedenie v teoriyu obrazovatel'nogo prava. M. : Centr obrazovatel'nogo zakonodatel'stva Minobrazovaniya Rossii, 2002. 339 s.
50. Shershenevich G.V. Obshchaya teoriya prava: Chast teoreticheskaya. Filosofiya prava. T. 1: Vyp. 1-4. M. : Izd-vo Br. Bashmakovyyh, 1910. 839 s.

Информация об авторе:

Хаминов Д.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: khaminov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khaminov D.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Khaminov@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.11.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 28.09.2021;
approved after reviewing 25.11.2021; accepted for publication 28.01.2022.*